

ДИСКУРСИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ DISCURSIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-945-968

УДК 81'373:355.01

Научная статья / Research article

Обращение к нации как жанр военно-политического дискурса

О.А. Солопова^{ID}✉, К.А. Наумова^{ID}

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет),
454080, Российская Федерация, Челябинск, ул. Ленина, 76

✉o-solopova@bk.ru

Аннотация. Политическая риторика, господствующая в демократических странах, не допускает открытой демонстрации приверженности военным средствам урегулирования конфликтов, что закономерно порождает особый вид дискурса, лингвистический и экстралингвистический контексты которого подчинены цели инициирования войны. Целью настоящего исследования является анализ компонентов военно-политического дискурса, а также того, как они реализуются в тексте и какую роль играют в манипуляции общественным мнением. Под военно-политическом дискурсом авторами понимается дискурс политических элит, сопровождающий различные этапы военных кампаний и призванный обосновать необходимость их осуществления с учетом основополагающих ценностей того или иного общества. Актуальность настоящего исследования определяется как повышенным интересом к проблематике военных конфликтов в современном обществе, так и недостаточной изученностью феномена военно-политического дискурса в целом. Одним из знаковых жанров военно-политического дискурса, по мнению авторов, выступает жанр обращения к нации, на примере которого предпринимается попытка описания военно-политического дискурса. Новизна исследования определяется авторским подходом к анализу и интерпретации текстов военно-политического дискурса. В качестве материала исследования используются оригинальные тексты обращений к нации Б. Обамы и Д. Трампа, посвященные военным операциям США в Сирии. Выбор данных текстов обусловлен их знаковой ролью в освещении сирийской кампании США. Работа с текстовым материалом осуществляется с привлечением описательного метода, анализа словарных дефиниций, контекстуального анализа, сопоставительного метода, а также метода критического анализа дискурса. Авторами было установлено, что вне зависимости от администрации, находящейся у власти, обращение к нации как жанр военно-политического дискурса подчиняется определенному сценарию, разворачивающемуся по следующей схеме: приветствие — причина обращения — описание действий США — описание

© Солопова О.А., Наумова К.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

сцен насилия (обвинения) — описание роли США на мировой арене — отсылка к знаковым кампаниям — призыв к действию. Автор приходит к выводу, что каждый из этих компонентов играет свою роль в структуре военно-политического дискурса и реализуется за счет определенного набора дискурсивных формул, не зависящих от политических предпочтений выступающего.

Ключевые слова: военно-политический дискурс, обращение к нации, сценарий дискурса, компонент дискурса, критический анализ дискурса, война в Сирии

Финансирование. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 19-012-00192 «Уральский регион» в военно-публицистическом дискурсе периода Великой Отечественной войны (на материале оцифрованных архивных документов СССР и стран Западной Европы)»

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2021

Дата приема в печать: 01.06.2021

Для цитирования:

Солопова О.А., Наумова К.А. Обращение к нации как жанр военно-политического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 945—968. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-945-968

UDC 81'373:355.01

Address to the Nation as a Genre of Military-Political Discourse

Olga A. Solopova , **Ksenia A. Naumova**

South Ural State University (National Research University),
76, Lenina Av., Chelyabinsk, Russian Federation, 454080

 o-solopova@bk.ru

Abstract. The political rhetoric prevailing in democratic countries does not allow an open demonstration of commitment to military means of conflict resolution and, therefore, naturally gives rise to a special type of discourse, the linguistic and extralinguistic contexts of which are determined by the goal of initiating a war. This study aims to analyze the components of military-political discourse, as well as the ways they are implemented in the texts and the role they play in manipulating public opinion. The authors defines military-political discourse as the discourse of political elites accompanying various stages of military operations and developed to substantiate the need for their initiation based on the fundamental values of a particular society. The relevance of this study is determined both by the increased interest in military conflicts in modern society and by the insufficient study of military-political discourse in general. Address to the nation is one of the main genres of military-political discourse. The novelty of the research is determined by the author's approach to the analysis and interpretation of military-political discourse. The original texts of the addresses to the nation by B. Obama and D. Trump dedicated to the US military operations in Syria are used as the research material. The choice of these texts is due to their significant role in the coverage of the US Syrian campaign. Describing military-political discourse requires the use of a number of methods, namely descriptive and comparative methods, dictionary definitions and contextual analyses, as well as the method of critical discourse analysis. The authors established that, regardless of the administration in power, address to the nation as a genre of military-political discourse implies a certain scenario based on the following scheme: greeting — address to the nation

agenda — description of US actions — description of violence (accusations) — description of the US role in the world — reference to previous military campaigns — call to action. The authors comes to the conclusion that each of these components plays a substantial role in the structure of military-political discourse and is realized through a certain set of discursive means that do not depend on the political preferences of a speaker.

Key words: military-political discourse, address to the nation, discourse scenario, discourse component, critical discourse analysis, war in Syria

Financing. Acknowledgement

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant No. 19-012-00192 “The Ural region in military media discourse of the Great Patriotic war (based on digitized archival documents of the USSR and Western Europe)”

Article history:

Received: 01.02.2021

Accepted: 01.06.2021

For citation:

Solopova, O.A. & Naumova, K.A. (2021). Address to the Nation as a Genre of Military-Political Discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(4), 945—968. doi: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-945-968

Введение

На протяжении истории человечества неоднократно предпринимались попытки отказаться от войны как средства разрешения конфликтов. Первая треть двадцатого века ознаменовалась подписанием пакта Бриана-Келлога, который провозгласил отказ от войны как инструмента национальной политики. Тем не менее, подобного соглашения оказалось недостаточно, чтобы предотвратить Вторую мировую войну, а также многочисленные региональные конфликты, вспыхнувшие впоследствии. Более того, страх прослыть «агрессором» привел к тому, что сторонники войны становятся все более изоциренными в поиске инструментов, в том числе языковых, способствующих инициации вооруженных конфликтов.

В странах с демократическим режимом война начинается задолго до отправки солдат в горячую точку: в первую очередь, речь идет об информационной войне против оппозиционных средств массовой информации и, отчасти, против собственного населения, нуждающегося в весомых аргументах для поддержки очередной военной инициативы.

Политическая риторика, господствующая в демократических странах, не допускает открытой демонстрации приверженности военным средствам урегулирования конфликтов, что закономерно порождает особый, так называемый военно-политический, вид дискурса, лингвистический и экстралингвистический контексты которого подчинены цели инициирования войны.

Наиболее ярко характеристики военно-политического дискурса проявляются в жанре обращения к нации, в котором сочетаются институциональные и индивидуальные черты, задается политическая повестка дня, определяются основные направления внутренней и внешней политики, а также формируется образ президента как должностного лица и как личности.

В рамках данного исследования при помощи методов лингвистического анализа текстов обращений к нации, посвященных операции США в Сирии, будет рассмотрено, какие компоненты включает военно-политический дискурс, как они реализуются в тексте и как способствуют манипуляции общественным мнением.

Военно-политический дискурс как объект дискурсивных исследований

С учетом многообразия трактовок понятия «дискурс» в современной лингвистике в основе данного исследования лежит определение Т. ван Дейка, который рассматривает дискурс с нескольких позиций: по мнению ученого, в широком смысле под дискурсом понимается отдельное коммуникативное событие, а в узком смысле — письменная или устная форма вербального взаимодействия или использования языка [1]. В контексте настоящей работы обе трактовки оказываются в равной степени востребованными: с одной стороны, речь идет об инициации военных действий как о коммуникативном событии, а с другой стороны, объектом лингвистического анализа выступают конкретные обращения политических акторов как частные формы использования языка в рамках дискурса о войне.

Зарубежные ученые обратили свое внимание на феномен «дискурса о войне» еще в конце двадцатого века. Тем не менее, в зарубежных гуманитарных науках нет единства терминологии в отношении данного вида дискурса, что подтверждает анализ публикаций, представленных в базе данных Google Scholar. В качестве синонима «военно-политического дискурса» в зарубежных исследованиях можно встретить такие понятия, как *discourse about war* ‘дискурс о войне’ [2; 3], *moral discourse about war* ‘моральный дискурс о войне’ [4—6], *discourse about war and peace* ‘дискурс о войне и о мире’ [4; 7]. Попыткой искусственного создания понятия синонимичного военно-политическому дискурсу можно считать введение в научный оборот словосочетания *warist discourse* ‘военнизированный дискурс’, которое, однако, не прижилось в научных кругах и появилось в нескольких публикациях, преимущественно принадлежащих одному и тому же автору [7—9]. Наибольшее употребление в зарубежных исследованиях получило понятие *war discourse* ‘военный дискурс’, однако проследить все многообразие его контекстов едва ли представляется возможным, так как зачастую речь идет об освещении конкретных конфликтов (*Iraq war discourse*, *Cold war discourse* и так далее). Тем не менее, стоит обратить внимание на понятие *just war discourse* ‘дискурс о справедливой войне’ [10—12] как на наиболее точно отражающее манипулятивную природу военно-политического дискурса и не связанное с каким-либо конкретным военным противостоянием.

Стоит отметить, что так называемый «дискурс о справедливой войне» чаще всего представляет собой продуманную политическую кампанию, в которой под «справедливой войной» понимается «война, публично объявленная

законным лидером, имеющая под собой веские основания и нацеленная на достижение мира» [13]. Сама же традиция «справедливой войны» некоторыми авторами определяется как доминирующий язык морали, с помощью которого обсуждаются нравственные аспекты применения силы в международных отношениях [14]. Таким образом, первостепенной функцией дискурса о справедливой войне является легитимация военных действий [15; 16].

В отличие от «дискурса о справедливой войне», который фигурирует в зарубежных гуманитарных науках с восьмидесятых годов, военно-политический дискурс обратил на себя внимание отечественных ученых относительно недавно, что проявляется в возросшем количестве исследований [17—22].

На данный момент по-прежнему существуют разногласия относительно того, является ли военно-политический дискурс самостоятельным форматом дискурса или же он представляет собой часть политического дискурса, военного дискурса или дискурса СМИ.

Например, И.В. Кононова и Ю.В. Лебединская характеризуют военно-политический дискурс как составной элемент формальной (официальной, письменной) части военного дискурса [19]. А.В. Олянич [23] и Р.Р. Мавлеев [24], напротив, подчеркивают тесную связь военно-политического дискурса и дискурса СМИ. При этом Р.Р. Мавлеев уделяет отдельное внимание гибридной природе военно-политического дискурса, который совмещает в себе черты как политического, так и военного дискурсов [25].

Гибридную природу военно-политического дискурса также подчеркивает Э.Н. Мишкурин, который определяет военно-политический дискурс как «государственно-институциональный, гибридно-поливекторный коммуникативный феномен функционально многоцелевого предназначения — военно-доктринального, политико-дипломатического, военно-публицистического (информационно-пропагандистского), военно-коммерческого, военно-воспитательного» [26]. В данном определении акцентируются сферы функционирования гибридных типов дискурса.

И.А. Курбаков пишет о том, что военно-политический дискурс представляет собой «специальный институциональный дискурс, объединяющий тексты, созданные в соответствии с военно-политической доктриной и идеологией государства для манипулирования общественным сознанием» [27]. Манипулятивная природа военно-политического дискурса также рассматривается В.Д. Бачуриным [18].

Таким образом, несмотря на возросшее количество исследований в области военно-политического дискурса, по-прежнему существуют разногласия относительно определения военно-политического дискурса, его структуры, компонентов и функций, а, следовательно, продолжаются дискуссии о месте военно-политического дискурса в классификации институциональных видов дискурса.

В контексте данной работы структура и компоненты военно-политического дискурса раскрываются через перечень компонентов институциональных видов дискурса, разработанный В.И. Карасиком и включающий участников дискурса,

его цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные (культурогенные) тексты и дискурсивные формулы [28].

Исходя из данного перечня, военно-политический дискурс можно условно охарактеризовать как дискурс для войны [29], агентами которого выступают главы государств, руководители военных ведомств и их заместители, руководители внешнеполитических ведомств и их заместители, представители государства в международных организациях, а также проправительственные СМИ, получающие информацию непосредственно от вышеуказанных лиц. К клиентам военно-политического дискурса следует относить как население в целом, так и представителей СМИ, в том числе оппозиционных, которые вынуждены опираться на официальную информацию или неподтвержденные данные, чтобы вступить в полемику с властями.

Цель военно-политического дискурса заключается в удовлетворении политических и/или экономических интересов за счет доступа к инструментам власти, связанных с принуждением и применением силы, а необходимость войны мотивируется общепринятыми ценностями, которые могут меняться в зависимости от того или иного общества.

К стратегиям военно-политического дискурса можно отнести стратегию на повышение, стратегию на понижение, а также стратегию театральности, которые раскрываются преимущественно в устных (обращение к нации, пресс-конференция) и протокольных (совещание) жанрах. В качестве прецедентных текстов для военно-политического дискурса характерно не только обращение к таким повсеместно известным документам, как, например, всеобщая декларация прав человека, но и отсылка к важным для государства историческим событиям, в том числе знаковым военным кампаниям. Используемые дискурсивные формулы подчеркивают гибридную природу военно-политического дискурса, которая проявляется в употреблении военной терминологии, дипломатических клише, а также лексики и стилистических приемов, свойственных дискурсу СМИ.

Учитывая вышесказанное, «дискурс для войны» или военно-политический дискурс понимается как дискурс политических элит, сопровождающий различные этапы военных кампаний и призванный обосновать необходимость их осуществления с учетом основополагающих ценностей того или иного общества.

Материалы и методы исследования

Одним из знаковых жанров военно-политического дискурса выступает жанр обращения к нации, на примере которого в рамках данного исследования предпринимается попытка описания военно-политического дискурса, его компонентов, функций, а также языковых средств, с помощью которых они реализуются.

Для анализа используются следующие тексты обращений:

1. Обращение Б. Обамы к нации от 10.09.2013 (12 736 знаков с пробелами);

2. Обращение Д. Трампа к нации от 13.04.2018 (5 386 знаков с пробелами);
3. Обращение Д. Трампа к нации от 23.10.2019 (10 927 знаков с пробелами).

Рассмотрение сразу двух обращений к нации Д. Трампа призвано обеспечить репрезентативность и равномерность объема текстового материала, так как обращение к нации Б. Обамы значительно превышает по объему каждое из обращений Д. Трампа по отдельности.

Все тексты обращений находятся в открытом доступе и размещены в соответствующих разделах на сайте Белого дома [30; 31]. Хотелось бы обратить внимание, что небольшая выборка текстов, используемых для анализа, объясняется, в первую очередь, спецификой самого жанра обращения к нации [32], подразумевающего наличие экстраординарных обстоятельств для заявлений на столь высоком уровне, а также единством тематики, так как обязательным условием для анализа текста в рамках данного исследования является освещение интервенции США в Сирию.

Репрезентативность материала подтверждается также тем, что данные тексты обращений принадлежат двум разным президентам, представляющим различные партии, а сами обращения были сделаны с большой разницей по времени, что исключает их высокую зависимость от преемственности политического курса.

Дальнейшая обработка материала предполагает привлечение следующих методов лингвистического анализа: описательный метод, анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, сопоставительный метод, метод критического анализа дискурса. Описательный метод подразумевает необходимость выделения конкретных языковых явлений с их последующим описанием с точки зрения структуры и функционирования. Анализ словарных дефиниций необходим для оценки общего тона текста и коннотации лексических единиц, используемых в тексте. Контекстуальный анализ предполагает учет лингвистического и экстралингвистического контекста при интерпретации текста. Сопоставительный метод способствует выявлению общих закономерностей и особенностей рассматриваемых явлений. И, наконец, метод критического анализа дискурса позволяет не просто описывать дискурсивные структуры, но объяснять их относительно характеристик социального взаимодействия и общественной иерархии.

Жанровые характеристики обращения к нации

Учитывая многообразие трактовок термина «жанр», в настоящем исследовании под жанром понимается «один из структурирующих компонентов дискурса» [28; 33]. Обращение к нации как жанр военно-политического дискурса можно охарактеризовать по следующей схеме, предложенной Н.Б. Руженцевой: краткое описание внедискурсивного инварианта речевого жанра (словарные и иные определения речевого жанра), характеристика экстрадискурсивных факторов, влияющих на реализацию дискурса, описание ведущей дискурсивной стратегии, соотносимой с исследуемым форматом дискурса,

характеристика прагматической рамки высказывания (параметры автора, адресата и жанровой цели), характеристика минимальной модели (тематического содержания, структуры/композиции, языкового воплощения), дополнительные характеристики речевого жанра (параметры, релевантные для конкретной дискурсивной модификации), обобщение результатов в форме портрета дискурсивной модификации речевого жанра [33].

Оксфордский словарь определяет обращение как «призыв, речь или просьбу, обращенные к кому-нибудь или чему-нибудь» [34], при этом нам не удалось обнаружить определение непосредственно обращения к нации как речевого жанра. В ряде работ обращение к нации рассматривается как жанр политического или военно-политического видов дискурса, разновидность президентской риторики или кризисной речи [35; 36]. С учетом целей данного исследования под обращением к нации понимается такой жанр военно-политического дискурса, при котором высшее руководство страны выступает перед национальной аудиторией по вопросам, связанным с обеспечением государственной безопасности инструментами силы и государственного принуждения.

Экстрадискурсивные факторы, влияющие на обращение к нации, определяются, исходя из темы обращения и анализа фоновых знаний целевой аудитории по данной теме [37]. Учитывая масштабы аудитории, на которую нацелен военно-политический дискурс, особую сложность представляет формирование образа «усредненного» реципиента с точки зрения его демографических характеристик, уровня образования, политических и религиозных предпочтений, что позволило бы использовать наиболее эффективные презентационные стратегии для манипулирования общественным мнением. Особое значение в данной связи также приобретают время и место выступления как экстрадискурсивные факторы, которые зачастую несут в себе скрытый смысл и подчеркивают значимость момента.

К ведущим дискурсивным стратегиям обращения к нации можно отнести стратегию презентации (стратегия на повышение), стратегию дискредитации (стратегия на понижение), а также стратегию театральности, традиционно используемые в политическом дискурсе. Эффективность использования данных стратегий повышается в условиях отсутствия непосредственного контакта с аудиторией: президент сам задает тон коммуникации, создает лингвистический и экстралингвистический контекст выступления, а также располагает информацией, которая делает его персону практически неуязвимой для критики.

С точки зрения авторства, обращение к нации, скорее всего, является результатом коллективного творчества команды политтехнологов и представителей высшего руководства государства, в том числе президента, от имени которого делается обращение. В качестве адресата обращения к нации выступает универсальная аудитория, что, как было сказано выше, усложняет манипуляцию общественным мнением в рамках данного жанра.

В качестве основополагающей цели обращения к нации как речевого жанра можно заявить в широком смысле — удовлетворение политических и

экономических интересов правящей элиты, а в узком смысле — легитимацию использования инструментов принуждения для удовлетворения данных интересов. Эту мысль подтверждает О.В. Спиридовский, который отмечает, что «базовой интенцией президентского дискурса как разновидности политического общения является достижение власти, ее сохранение или распределение, а поскольку в политике языковая коммуникация играет ключевую роль, то вопрос об укреплении авторитетности именно с помощью дискурсивных средств приобретает принципиальное значение» [38].

Отдельного внимания также заслуживает вопрос тематики обращения к нации как речевого жанра. Сам факт обращения к данному жанру говорит об исключительности социально-политической обстановки, поэтому обращение к нации всегда затрагивает актуальные темы экономического, политического и социального характера, способные вызвать широкий общественный резонанс и, в случае провала, бросить тень на политическую карьеру выступающего. Закономерно, что такие принципиальные вопросы внешней политики, как вопросы войны и мира, занимают центральное место в тематике обращений к нации, учитывая то давление, которое военные кампании оказывают на все сферы жизни общества.

Говоря о структуре обращения к нации, несмотря на всю сложность затрагиваемых тем, можно предположить, что, будучи официальным жанром, обращение к нации имеет более или менее постоянную структуру с жестким порядком компонентов, чтобы адаптировать тексты под конкретную социально-политическую ситуацию, что можно проверить на примере текстов обращения к нации в контексте военно-политического дискурса.

Учитывая тот факт, что жанр испытывает непосредственное давление дискурса и вынужден приспособливаться к его требованиям [33], предполагается, что подробное описание обращения к нации как знакового жанра военно-политического дискурса позволит составить четкое представление о военно-политическом дискурсе в целом.

Анализ обращений Б. Обамы и Д. Трампа

Вне зависимости от администрации, находящейся у власти, обращение к нации как жанр военно-политического дискурса подчиняется определенному сценарию, разворачивающемуся по следующей схеме: приветствие — причина обращения — описание действий США — описание сцен насилия (обвинения) — описание роли США на мировой арене — отсылка к знаковым кампаниям — призыв к действию. Несмотря на то, что очередность данных элементов в речи может меняться, их наличие можно принять за константу, поэтому каждый из этих элементов и его реализацию в тексте необходимо анализировать отдельно. При анализе речевого материала используются следующие сокращения: О — обращение Б. Обамы, Т — обращение Д. Трампа; очередность примеров соответствует дате обращений, начиная с речи Б. Обамы.

о Приветствие и причина обращения

(1) О: *My fellow Americans, tonight I want to talk to you about Syria — why it matters, and where we go from here.* ‘Дорогие соотечественники, сегодня я хочу поговорить о Сирии — о том, почему эта проблема столь важна, и что нам следует делать дальше’;

(2) Т: *My fellow Americans, a short time ago, I ordered the United States Armed Forces to launch precision strikes on targets associated with the chemical weapons capabilities of Syrian dictator Bashar al-Assad.* ‘Дорогие соотечественники, не так давно я приказал Вооруженным силам США нанести точечные удары по целям, связанным с запасами химического оружия сирийского диктатора Башара аль-Асада’;

(3) Т: *My fellow Americans, I greet you this morning from the White House to announce a major breakthrough toward achieving a better future for Syria and for the Middle East.* ‘Дорогие соотечественники, я приветствую вас сегодня утром из Белого дома, чтобы объявить о прорыве в достижении лучшего будущего для Сирии и Ближнего Востока’.

Как видно из примеров, каждое из обращений начинается с традиционной дискурсивной формулы *My fellow Americans* ‘Уважаемые соотечественники’, которая восходит к инаугурационной речи Ф.Д. Рузвельта от 4 марта 1933 года. Таким образом, употребление данной дискурсивной формулы требуется, чтобы подчеркнуть преемственность американской политики и приверженность президентов ее основополагающим принципам вне зависимости от их партийной принадлежности.

Исходя из иллюстративных контекстов, можно утверждать, что за приветствием как элементом сценария военно-политического дискурса зачастую следует такой элемент, как причина обращения, что демонстрируют примеры 1—3.

В первом примере Б. Обама сразу переходит к повестке дня: тема Сирии находится в сильной позиции (первое предложение первого абзаца), а ее значимость искусственно подчеркивается употреблением глагола *to matter* в значении ‘быть важным, оказывать влияние на происходящее’ [38].

В случае с обращением Д. Трампа (3) тема Сирии также находится в сильной позиции (первое предложение первого абзаца), однако о значимости темы говорит хронотоп выступления: Д. Трамп подчеркивает, что обращение транслируется из Белого Дома — центра политической жизни США. Таким образом, в рамках одного предложения устанавливается связь между географически разобщенными США и странами Ближнего Востока (последовательное перечисление: Белый Дом — Сирия — Ближний Восток).

Стоит отметить, что в отличие от первого примера, в котором непосредственно подчеркивалась значимость Сирии, в третьем примере Сирия предстает лишь как часть Ближнего Востока, которой США оказывают помощь в достижении ‘светлого будущего’ *achieving a better future*. Подобная расстановка приоритетов позволяет избежать обвинений в преследовании экономических и политических интересов на территории конкретного государства.

Второе обращение несколько отличается от примеров, рассмотренных выше: в частности, Д. Трамп смещает акценты с места событий на их участников. ‘Вооруженные Силы США’ *United States Armed Forces* противопоставляются ‘сирийскому диктатору Башару аль-Асаду’ *Syrian dictator Bashar al-Assad*, что с самого начала поляризует участников конфликта. Происходит демонизация образа сирийского президента, что проявляется не только в использовании оценочной лексики, но и в характеристике запасов химического оружия как личной собственности президента (использование предлога *of* в значении обладания) [39].

Таким образом, приведенные выше примеры демонстрируют, что приветствие и причина обращения являются одними из ключевых элементов обращения к нации, с помощью которых обозначается повестка дня, очерчивается круг заинтересованных лиц и задается тон выступления в целом.

о Описание действий США

(4) О: *In that time, America has worked with allies to provide humanitarian support, to help the moderate opposition, and to shape a political settlement.* ‘В то время Америка действовала вместе с союзниками, чтобы оказать гуманитарную поддержку, помочь умеренной оппозиции и способствовать политическому урегулированию конфликта’;

(5) Т: *The purpose of our actions tonight is to establish a strong deterrent against the production, spread, and use of chemical weapons. Establishing this deterrent is a vital national security interest of the United States.* ‘Цель наших действий сегодня — обеспечить сдерживание производства, распространения и применения химического оружия. Обеспечение подобного сдерживания является жизненно важным интересом национальной безопасности Соединенных Штатов’;

(6) Т: *Over the last five days, you have seen that a ceasefire that we established along Syria’s border has held, and it’s held very well, beyond most expectations.* ‘за последние пять дней вы убедились, что режим прекращения огня, который мы установили вдоль границы с Сирией, соблюдается и соблюдается очень хорошо, превосходя все ожидания’.

Примеры (4)—(6) демонстрируют то, как США позиционируют свою деятельность на территории Сирии.

Общей чертой всех примеров является употребление глаголов, несущих созидательный смысл, таких, как *to provide* ‘обеспечивать’, *to help* ‘помогать’, *to shape* ‘формировать’, *to establish* ‘устанавливать’. Употребление данных глаголов призвано подчеркнуть контраст между войной с ее деструктивным характером и действиями США, направленными на предотвращение дальнейшей эскалации конфликта. Данная мысль находит свое подтверждение в употреблении лексики, несущей яркую антивоенную коннотацию. В частности, речь идет об использовании существительных *deterrent* ‘сдерживающий фактор’ и *ceasefire* ‘режим прекращения огня’, а также эпитетов, выраженных прилагательными *moderate* ‘умеренная оппозиция’ и *political* ‘политическое урегулирование’.

Как и в случае с причиной обращения, в указанных примерах прослеживается поляризация участников конфликта, которая осуществляется по принципу деления на «своих» и «чужих»: *America has worked with allies* ‘Америка действовала вместе с союзниками’, *our actions* ‘наши действия’, *a ceasefire that we established* ‘режим прекращения огня, который мы установили’. Несмотря на то, что в данных примерах не содержится открытых обвинений в адрес противника, тем не менее акцент делается на подчеркнута миролюбивый характер и конструктивные действия американской стороны и ее союзников, что в контексте указанных обращений противопоставляется такому элементу сценария, как «описание сцен насилия».

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что описание действий США осуществляется за счет так называемой стратегии на повышение, а также имплицитного противопоставления конфликтующих сторон, которое становится очевидным в других элементах сценария.

о Описание сцен насилия (обвинения)

(7) О: *The situation profoundly changed, though, on August 21st, when Assad's government gassed to death over a thousand people, including hundreds of children. The images from this massacre are sickening: Men, women, children lying in rows, killed by poison gas. Others foaming at the mouth, gasping for breath. A father clutching his dead children, imploring them to get up and walk.* ‘Однако ситуация кардинально изменилась 21 августа, когда правительство Асада отравило газом более тысячи человек, включая сотни детей. Образы этой бойни отвратительны: лежащие рядами трупы мужчин, женщин и детей, убитых отравляющим газом. Кто-то с пеной у рта жадно глотает воздух. Отец сжимает своих мертвых детей, умоляя их встать и пойти’;

(8) Т: *Last Saturday, the Assad regime again deployed chemical weapons to slaughter innocent civilians — this time, in the town of Douma, near the Syrian capital of Damascus. This massacre was a significant escalation in a pattern of chemical weapons use by that very terrible regime. The evil and the despicable attack left mothers and fathers, infants and children, thrashing in pain and gasping for air. These are not the actions of a man; they are crimes of a monster instead.* ‘В прошлую субботу режим Асада снова применил химическое оружие, чтобы убить ни в чем не повинных мирных жителей — на этот раз в городе Дума, недалеко от сирийской столицы Дамаска. Эта бойня значительно обострила конфликт в части применения химического оружия этим ужасным режимом. Вероломное и гнусное нападение вынудило матерей и отцов, младенцев и детей мучиться от боли, жадно глотая воздух. Это не действия мужчины, а преступления монстра’;

(9) Т: *The last administration said, “Assad must go.” They could've easily produced that outcome, but they didn't. In fact, they drew a very powerful red line in the sand — you all remember, the red line in the sand — when children were gassed and killed, but then did not honor their commitment as other children died in the same horrible manner. But I did honor my commitments with 58 Tomahawks.*

Eight long years after President Obama's ill-fated push at regime change, U.S. troops are still on the ground in Syria. More than half a million people are dead, hundreds of thousands are terribly injured, and millions more Syrians are displaced. It really is a nightmare of misery. 'Преыдушая администрация заявила: «Асад должен уйти». Они с легкостью могли достигнуть подобного результата, но не сделали этого. Фактически, они открыто обозначили красную линию на песке (прим. автора: красная линия в политике — позиция, при нарушении которой безопасность более не гарантирована) — вы все помните ту красную линию — **когда детей травили газом и убивали**, но затем они не выполнили свои обязательства, **позволив другим детям умереть таким же ужасным образом**. А я выполнил свои обязательства с помощью 58 томагавков.

Спустя восемь долгих лет после злополучной попытки президента Обамы сменить режим американские войска все еще находятся в Сирии. **Более полумиллиона человек погибли, сотни тысяч получили тяжелые ранения, еще миллионы сирийцев стали беженцами**. Это действительно кошмар, полный страданий'.

Описание сцен насилия (обвинения) — один из наиболее сложных элементов сценария военно-политического дискурса с точки зрения лингвистического анализа, поэтому каждый из представленных трех примеров стоит рассматривать по отдельности.

В примере (7) ответственность за 'бойню' *massacre* персонифицируется и возлагается непосредственно на 'правительство Асада' *Assad's government*, подчеркивается и способ убийства — применение химического оружия. Описание населения, пострадавшего от химической атаки, выстроено таким образом, чтобы трижды отметить присутствие детей среди жертв.

В первом предложении отрывка все жертвы атаки упоминаются с использованием нейтрального собирательного существительного *people* 'люди', однако президент подчеркивает тот факт, что жертвами стали *hundreds of children* 'сотни детей'. В третьем предложении дублируется содержание первого, однако с той поправкой, что нейтральное *people* 'люди' заменяется на *men, women, children* 'мужчины, женщины, дети', что подчеркивает беспринципность и безжалостность сирийского режима, убивающего собственное население без оглядки на пол и возраст. В пятом предложении абстрактные жертвы конкретизируются до отдельной семьи, в которой отец переживает смерть детей (*a father clutching his dead children*). Таким образом, неоднократное повторение одного и того же сообщения призвано максимально закрепить его содержание на уровне подсознания аудитории, а переход от абстрактного «люди» до конкретного «отец» направлено на то, чтобы тронуть слушателей, позволить им прочувствовать трагедию и, возможно, ассоциировать ее с собой.

В том же отрывке (7) описываются пугающие сцены предсмертной агонии жертв химической атаки: пена у рта (*foaming at the mouth*), жажда воздуха (*gasping for breath*). Неприятные подробности необходимы, чтобы придать

достоверности описанию, убедить аудиторию в правдивости создаваемых образов, а также вызвать у слушателей определенное чувство вины за происходящее и за собственное бездействие.

Отрывок (8) строится примерно по тому же шаблону, что поддерживает предположение о существовании определенного сценария военно-политического дискурса. Например, ответственность за ‘совершение массового убийства невинных жителей’, ‘бойню’ (*to slaughter innocent civilians, massacre*) возлагается непосредственно на ‘режим Асада’ *the Assad regime*, который также характеризуется как ‘очень ужасный режим’ *very terrible regime*. Стоит отметить, что само по себе существительное *regime* ‘режим’ уже несет в себе отрицательную коннотацию и подразумевает правительство, избрание которого произошло нечестным путем [34]. Дальнейшая демонизация образа Асада осуществляется также за счет использования эпитетов, подчеркивающих жестокую природу режима и его действий (*despicable* — ‘отвратительный’, *evil* — ‘гнусный’).

Как и в предыдущем примере, но с меньшими подробностями, описываются жертвы химической атаки: на этот раз акцент делается на их социальных ролях, чтобы подчеркнуть, что те самые «невинные жители» — это прежде всего «матери и отцы, младенцы и дети». Практически та же лексика, что и в примере (7), задействована для описания предсмертных страданий жертв, которые ‘мучаются от боли, жаждая глотнуть воздуха’ *thrashing in pain, gasping for air*. Завершается описание антитезой-обвинением, в которой под «человеком» подразумевается конкретная личность — президент Б. Асад. Таким образом, говоря о том, что все происходящее — «это не действия человека, а преступления монстра», Д. Трамп возлагает личную ответственность за все происходящее на Б. Асада и его режим.

Пример (9) несколько отличается от предыдущих двух фрагментов. Его особенность заключается в том, что обвинения в данном случае распространяются не только на режим Асада, но и на предшествующую администрацию Б. Обамы. Тем не менее, во всех трех отрывках делается акцент на жертвах среди детей. Дети в данных текстах символизируют собой будущее, соответственно, массовая гибель детей лишает страну надежды на дальнейшее развитие, а, возможно, и на дальнейшее существование.

На этот раз ответственность за происходящее возлагается непосредственно на предшественника Д. Трампа и его ‘провальную попытку смены режима’ *ill-fated push at regime change*, которая повлекла за собой массовую гибель людей, увечья и отток беженцев с территории Сирии. Эти трагичные события Д. Трамп описывает метафорой ‘кошмар, полный страданий’ *a nightmare of misery*.

Приведенные примеры демонстрируют, что описание сцен насилия является частью так называемой стратегии на понижение, которая подразумевает дискредитацию противника для достижения собственных целей. В таких случаях распространено использование эпитетов с отрицательной коннотацией, метафор, антитезы, при этом независимо от действующей администрации

используются одни и те же сюжеты, описываемые с использованием одной и той же лексики.

○ Описание роли США на мировой арене

(10) О: *My fellow Americans, for nearly seven decades, the United States has been **the anchor of global security**. This has meant doing more than forging international agreement — it has meant enforcing them. **The burdens of leadership are often heavy**, but the world is a better place because we have borne them.* ‘Дорогие соотечественники, на протяжении почти семи десятилетий Соединенные Штаты выступают **гарантом международной безопасности**. Это значит не просто заключать международные соглашения, но и обеспечивать их соблюдение. **Бремя лидерства часто бывает тяжелым**, но мир стал лучше, потому что мы его понесли’;

(11) Т: *I will say this: The United States has a lot to offer, with **the greatest and most powerful economy in the history of the world**.* ‘Я скажу так: Соединенным Штатам есть что предложить благодаря **самой большой и мощной экономике в мировой истории**’;

(12) Т: *No amount of American blood or treasure can produce lasting peace and security in the Middle East. It’s a troubled place. **We will try to make it better, but it is a troubled place**.* ‘Никакое количество американской крови или американских денег не может обеспечить прочный мир и безопасность на Ближнем Востоке. Это беспокойный регион. **Мы постараемся сделать его лучше, но это беспокойный регион**’;

(13) Т: *Turkey, Syria, and all forms of the Kurds, have been fighting for centuries. **We have done them a great service, and we’ve done a great job for all of them**. And now we’re getting out.* ‘Турция, Сирия и курдские племена воевали веками. **Мы оказали им огромную услугу и проделали огромную работу, важную для каждой из сторон**. А теперь мы уходим’;

(14) Т: *We are now **an economic powerhouse like never before, and, very importantly, like no other**.* ‘На сегодняшний день мы выступаем **центром мировой экономики — мощным, как никогда раньше, и, что очень важно, как никто другой**’.

Традиционно описание роли США на мировой арене строится в рамках концепции американской исключительности, обращение к которой характерно не только для военно-политического дискурса США, но и для президентского дискурса в целом.

В примере (10) Б. Обама говорит об уникальном положении США на мировой арене, отмечая, что на протяжении долгого времени страна является ‘гарантом международной безопасности’ *the anchor of global security*. Известно, что данная метафора неоднократно звучала в выступлениях Б. Обамы, в том числе относительно политики США в Ливии и Сирии. Особая роль, которую США играют на международной арене, закономерно дает им право не только принимать участие в создании свода правил для других игроков, но также принуждать их действовать по этим правилам для достижения всеобщего благоденствия. Стоит отметить, что любая негативная реакция в адрес

США интерпретируется как последствия ‘бремени лидерства’ *the burdens of leadership*, с которыми, однако, стоит смириться, чтобы сделать мир лучше.

Отдельного внимания заслуживает тема вклада США в достижение всеобщего благополучия, которая так или иначе затрагивается и Б. Обамой, и Д. Трампом. Примеры (10)—(13) демонстрируют, что заслуги США подчеркиваются с использованием антитезы, благодаря которой негативная информация, содержащаяся в начале предложения или в предыдущем предложении, компенсируется положительной информацией в последующей части текста (*the burdens are heavy — the world is a better place; a troubled place — we will try to make it better; Turkey, Syria and Kurds have been fighting for centuries — we have done them a great service*). Таким образом, США формируют свой образ посредника в международных конфликтах, урегулирование которых является актом доброй воли. Данная мысль встречается дважды в отрывке (13), где для закрепления сообщения в сознании слушателя используется анафора (*we have done them a great service, we’ve done a great job*), а неоднократное употребление местоимения *we* ‘мы’ лишь усиливает оппозицию «свои — чужие» [40], противопоставляя заслуги США действиям мирового сообщества.

Особенностью выступлений Трампа и описания им роли США на мировой арене является неизменный акцент на экономическом превосходстве США над другими государствами, которое подчеркивается с помощью приема сравнения (*an economic powerhouse like never before*) и прилагательных в превосходной степени (*the greatest and most powerful economy*). Возможно, подобная расстановка акцентов объясняется принадлежностью самого Д. Трампа к бизнес-кругам, что также наложило отпечаток на его президентскую риторiku.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что в основе описания роли США на мировой арене лежит концепция об американской исключительности, подразумевающая политическое и экономическое превосходство США над другими странами. Подобное превосходство, в свою очередь, наделяет США правом принимать решения, затрагивающие жизнь других стран, а также предоставляет США пространство для маневра в реализации этих решений.

Лингвистически исключительность США подчеркивается благодаря приемам антитезы, анафоры, сравнения, а также с помощью употребления прилагательных в превосходной степени. В контексте описания роли США на мировой арене возможно использование как стратегии на повышение (самопрезентация), так и стратегии на понижение (репрезентация других), что определяет потенциально неограниченный набор языковых средств, которые могут быть задействованы в данной части обращения к нации [41].

○ Отсылка к знаковым кампаниям

Еще один элемент обращения к нации, заслуживающий отдельного внимания — отсылка к знаковым кампаниям, в которых отстаивались схожие (или заявляемые таковыми) идеалы и ценности. Интересен тот факт, что президенты ссылаются на одни и те же исторические события, как, например:

(15) O: *In World War I, American GIs were among the many thousands killed by deadly gas in the trenches of Europe.* ‘**Во время Первой мировой войны** американские солдаты были среди многочисленных жертв, убитых смертоносным газом в траншеях Европы’;

(16) T: *By the end of the World War I, more than one million people had been killed or injured by chemical weapons.* ‘**К концу Первой мировой войны** более миллиона человек были убиты или ранены химическим оружием’.

Первая мировая война печально известна не только своими масштабами и количеством жертв, но и тем, что в 1915 году в качестве оружия массового поражения впервые был использован газ иприт. Сопоставление Первой мировой войны и войны в Сирии используется, чтобы подчеркнуть потенциал конфликта в случае, если химическое оружие будет применено за пределами Сирии. Кроме того, Первая мировая война так или иначе знакома большей части аудитории, поэтому подобное сравнение позволяет слушателям провести необходимые аналогии и составить представление о разворачивающемся конфликте.

Помимо мировых войн, особое внимание в речах политиков также уделяется локальным столкновениям, в которых участвовали США:

(17) O: *Now, I know that after the terrible toll of Iraq and Afghanistan, the idea of any military action, no matter how limited, is not going to be popular.* ‘Я знаю, что после ужасных потерь, понесенных **в Ираке и Афганистане**, идея любых военных действий, какими бы ограниченными они ни были, не будет популярной’;

(18) O: *I will not pursue a prolonged air campaign like Libya or Kosovo.* ‘Я не буду инициировать продолжительную воздушную кампанию, как в **Ливии или Косово**’.

Как в случае с глобальными конфликтами, отсылка к региональным операциям обладает особым манипулятивным эффектом в связи с тем, что упоминаемые военные столкновения хорошо известны большей части населения, так как американские солдаты принимали непосредственное участие в ряде военных операций.

Однако, стоит отметить, что если глобальные конфликты, такие, как Первая мировая война, упоминаются, чтобы подчеркнуть доблесть и отвагу американских солдат, то войны в Афганистане, Ираке, Вьетнаме и ряде других регионов расцениваются как внешнеполитический провал, который не повторится в существующих условиях. Под внешнеполитическим провалом в данном случае понимается война на чужой территории с внушительными человеческими потерями, которая не принесла США выгоды в долгосрочной перспективе.

Таким образом, отсылка к знаковым кампаниям как элемент обращения к нации позволяет, с одной стороны, выстроить у аудитории нужные ассоциативные ряды, чтобы составить представление о военном конфликте, а, с другой стороны, абстрагироваться от внешнеполитических ошибок предыдущих администраций для инициирования новой военной кампании.

○ Призыв к действию

(19) О: *But when, with modest effort and risk, we can stop children from being gassed to death and thereby make our own children safer over the long run, I believe we should act. That's what makes America different. That's what makes us exceptional.* 'В случае, если при минимальных усилиях и с минимальным риском мы можем предотвратить отравление детей газом и тем самым обеспечить безопасность наших собственных детей в долгосрочной перспективе, я считаю, **что мы должны действовать.** Вот что отличает Америку. Вот что делает нас исключительными';

(20) Т: *The combined American, British, and French response to these atrocities will integrate all instruments of our national power — military, economic and diplomatic. We are prepared to sustain this response until the Syrian regime stops its use of prohibited chemical agents.* 'Совместные действия Америки, Великобритании и Франции в ответ на эти зверства будут включать все инструменты, демонстрирующие нашу национальную мощь — военные, экономические и дипломатические. **Мы готовы держать ответ** до тех пор, пока сирийский режим не прекратит использование запрещенных химических веществ.';

(21) Т: *The job of our military is not to police the world. Other nations must step up and do their fair share. That hasn't taken place. Today's breakthrough is a critical step in that direction.* 'Работа наших военных заключается не в том, чтобы следить за всем миром. **Другие нации тоже должны сделать шаг вперед и внести свой вклад.** Этого не произошло. Сегодняшний прорыв — важный шаг в этом направлении'.

Обращение к нации должно содержать определенный призыв к действию, причем под действием в данном случае понимается, в первую очередь, одобрение населения, на деньги которого иницируются военные кампании и силами которого они реализуются.

Примеры (19)—(21) демонстрируют, что риторика Б. Обамы и Д. Трампа по этому вопросу заметно отличается: если Б. Обама обращался за поддержкой непосредственно к населению США, то Д. Трамп на протяжении обоих обращений к нации делал упор на то, что США не остаются один на один с войной в Сирии.

В обращении Б. Обамы (19) призыв к действию сопровождался следующими тезисами: для США участие в сирийской кампании не влечет за собой особого риска и вложений (*with modest effort and risk*); события в Сирии представляют угрозу для национальной безопасности самих США: как и в случае с описанием сцен насилия, центральное место занимает тема жертв со стороны детей (*stop children from being gassed to death*). Таким образом, Б. Обама стремится подчеркнуть, что будущее всех стран в современном мире взаимосвязано, поэтому если отобрать право на будущее у одного государства, это вызовет цепную реакцию, последствия которой в долгосрочной перспективе могут оказаться непредсказуемыми. В свою очередь, проводя параллель между сирийскими и американскими детьми, Б. Обама обращается к традиционным ценностям, в том числе к теме материнства и детства, которая играет важную роль в жизни американского общества.

Еще одна традиционная тема, затронутая президентом в данном примере — тема американской исключительности и особого статуса США на мировой арене, который не позволяет США бездействовать в случае угрозы международной стабильности. Утверждение *I believe we should act* ‘я считаю, что мы должны действовать’ ставится в сильную позицию благодаря последующему использованию анафоры и скрытой антитезы, в которой способность США действовать в самые трудные моменты противопоставляется бездействию других стран мира за счет использования эпитетов *different* ‘другой’ и *exceptional* ‘исключительный’.

В отличие от своего предшественника Д. Трамп заявляет о необходимости воздействия на сирийский режим общими усилиями и призывает другие страны «внести справедливый вклад» в борьбу с распространением химического оружия. Подобный дискурсивный поворот является закономерным продолжением риторики дистанцирования от курса предыдущей администрации, рейтинг которой во многом был подорван военными инициативами руководства. Таким образом, американская исключительность в понятии Д. Трампа не имеет ничего общего с «обеспечением порядка во всем мире», а заключается в военном, экономическом и дипломатическом потенциале государства.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что призыв к действию как фрагмент обращения к нации связан причинно-следственными отношениями с описанием роли США на мировой арене. Это объясняется тем, что готовность США принимать участие в международных военных операциях напрямую зависит от того, каким образом руководство страны позиционирует США на родине и за рубежом.

Заключение

Военно-политический дискурс занимает особое место в классификации гибридных институциональных типов дискурса и представляет собой дискурс политических элит, сопровождающий различные этапы военных кампаний и призванный обосновать необходимость их осуществления с учетом основополагающих ценностей того или иного общества.

Ключевым жанром военно-политического дискурса является обращение к нации, которое, будучи официальным жанром, обладает более или менее постоянной структурой с нежестким порядком компонентов, позволяющих адаптировать тексты под конкретную социально-политическую ситуацию.

На примере военно-политического дискурса США было установлено, что речь идет о таких компонентах, как приветствие, причина обращения, описание действий США, описание сцен насилия (обвинения), описание роли США на мировой арене, отсылка к знаковым кампаниям, призыв к действию.

Каждый из этих компонентов играет свою роль в структуре военно-политического дискурса и реализуется за счет определенного набора дискурсивных формул, не зависящих от политических предпочтений выступающего:

1. Приветствие и причина обращения формируют повестку дня, очерчивают круг заинтересованных лиц и задают тон выступления в целом.

2. Описание действий США преимущественно осуществляется за счет стратегии на повышение, а также имплицитного противопоставления конфликтующих сторон.

3. Описание сцен насилия является частью стратегии на понижение. В подобных случаях распространено использование эпитетов с отрицательной коннотацией, метафор, антитезы, при этом описываются одни и те же сюжеты с использованием одной и той же лексики.

4. В основе описания роли США на мировой арене лежит концепция об американской исключительности, подразумевающая политическое и экономическое превосходство США над другими странами. Лингвистически исключительность США подчеркивается благодаря приемам антитезы, анафоры, сравнения, а также с помощью употребления прилагательных в превосходной степени. Для описания роли США на мировой арене возможно использование как стратегии на повышение (самопрезентация), так и стратегии на понижение (репрезентация других).

5. Отсылка к знаковым кампаниям позволяет, с одной стороны, выстроить у аудитории нужные ассоциативные ряды, чтобы составить представление о военном конфликте, а, с другой стороны, абстрагироваться от внешнеполитических ошибок предыдущих администраций для инициирования новой военной кампании.

6. Призыв к действию как фрагмент обращения к нации связан причинно-следственными отношениями с описанием роли США на мировой арене. Это объясняется тем, что готовность США принимать участие в международных военных операциях напрямую зависит от того, каким образом руководство страны позиционирует США на родине и за рубежом.

Учитывая вышесказанное, по мнению автора, дальнейшее изучение компонентов и сценариев военно-политического дискурса, характерных для его жанров, позволит не только выявить механизмы манипуляции общественным мнением в рамках данного вида дискурса, но и, возможно, выработать схему для прогнозирования внешнеполитических событий с использованием анализа текстов.

Библиографический список

1. *Dijk T.A.* Discourse and Racism // *A Companion to Racial and Ethnic Studies*. D.T. Goldberg & J. Solomos (eds.), Oxford: Blackwell, 2008. P. 145—159.
2. *Zelizer B.* CNN, the Gulf War, and journalistic practice // *Journal of Communication*. 1992. № 42 (1). P. 66—81.
3. *Deutsche R.* Hiroshima After Iraq: Three Studies in Art and War. Columbia: Columbia University Press, 2010.
4. *Miller R.B.* Interpretations of conflict: ethics, pacifism, and the just-war tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1991.
5. *Johnson J.T.* The just war idea: the state of the question // *Social Philosophy & Policy*. 2006. № 23 (1). P. 167—195.

6. *Fiala A.* The just war myth: The moral illusions of war. Rowman & Littlefield, 2008.
7. *Gay W.* The language of war and peace // *Encyclopedia of violence, peace, and conflict*. 2008. P. 1115—1127.
8. *Gay W.* Exposing and Overcoming Linguistic Alienation and Linguistic Violence // *Philosophy and Social Criticism*. 1998. № 24 (2). P. 137—156.
9. *Burridge J.* The Dynamics of ‘Pacifism’ and ‘Warmongering’: The Denial of Stake in Debates Preceding the 2003 Invasion of Iraq // *Discourse, Peace, and Conflict. Peace Psychology Book Series*. Springer, Cham. Gibson S. (eds). 2018. P. 133—148.
10. *Goetze C.* When democracies go to war: Public debate and the French decision on war in 1999 and 2003 // *Global Society*. 2008. № 22 (1). P. 57—74.
11. *Dunmire P.* 9/11 changed everything’: an intertextual analysis of the Bush Doctrine // *Discourse & Society*. 2009. № 20 (2). P. 195—222.
12. *Gavriely-Nuri D.* The idiosyncratic language of Israeli ‘peace’: A cultural approach to critical discourse analysis (CCDA) // *Discourse & Society*. 2010. № 21 (5). P. 565—585.
13. *Calhoun L.* Legitimate authority and “just war” in the modern world // *Peace & Change*. 2002. № 27 (1). P. 37—62.
14. *Lang A., Cian D.* Just War: Authority, Tradition, and Practice. Georgetown: Georgetown University Press, 2013.
15. *Lakoff G.* Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // *Cognitive Semiotics*. 2009. № 4 (2). P. 5—19.
16. *Hodges A.* War discourse // *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. 2015. P. 1—6.
17. *Андреев Н.И.* Особенности терминологии немецкого военно-политического дискурса в аспекте перевода на русский язык // *Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. 2011. № 1. С. 117—125.
18. *Бачурин В.Д.* Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4. С. 99—104.
19. *Кононова И.В., Лебединская Ю.В.* Иронические эвфемистические единицы военно-политического дискурса как средство манипулирования сознанием в новостных СМИ // *Актуальные проблемы современной лингвистики: сб. науч. ст.* СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. С. 30—34.
20. *Эпштейн О.В., Лазарева К.С.* Стратегии вербальной презентации в англоязычном военно-политическом дискурсе // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 3—2. С. 170—183.
21. *ХомUTOва Т.Н., Наумова К.А.* Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*. 2017. № 3. С. 49—53.
22. *Солопова О.А., Чудинов А.П.* Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia’s V-Day // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. № 2. С. 313—337.
23. *Олянич А.В.* Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // *Вестник Волгоградского университета. Серия 2: Языкознание*. 2003. № 3. С. 119—126.
24. *Мавлеев Р.Р.* Роль военно-политического дискурса в информационно-психологической войне (на материале русского, английского и китайского языков) // *Речевое воздействие в политическом дискурсе: межд. конф. (Екатеринбург, 1—3 декабря 2016)*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2016. С. 91—94.
25. *Мавлеев Р.Р.* Проблемы концептуализации в военно-политическом дискурсе // *Регион и мир*. 2017. № 1. С. 106—108.
26. *Мишуров Э.Н.* Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслят // *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода*. 2020. № 2. С. 88—105.
27. *Курбаков И.А.* Военно-политический дискурс как гибридный тип дискурса // *Достижения науки в контексте повышения качества жизни и устойчивого развития общества: межд. конф. (Алматы, 29 апреля 2019)*. М.: Изд-во национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова, 2019. С. 210—217.

28. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
29. Солопова О.А., Наумова К.А. Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 15—21.
30. The White House. President Barack Obama [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov> (дата обращения: 09.11.2020).
31. The White House [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov> (дата обращения: 09.11.2020).
32. Alemi M., Ashkan L., Nematzadeh A. Persuasion in political discourse: Barak Obama's presidential speeches against ISIS // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (2). P. 278—291. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-278-291
33. Руженцева Н.Б. Речевой жанр: портрет в контексте дискурса: (к вопросу о методике описания) // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 44—58.
34. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 10.11.2020).
35. Kiewe A. The crisis tool in American political discourse // Politically speaking: A worldwide examination of language used in the public sphere. 1998. P. 79—90.
36. Montgomery M. The discourse of war after 9/11 // Language and Literature. 2005. № 14 (2). P. 149—180.
37. Ларина Т.В., Озюменко В.И., Пономаренко Е.Б. Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских информационных текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 28—37.
38. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 10.11.2020).
39. Спиридовский О.В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 161—170.
40. Биюмена А.А. Лексические средства экспликации речевой агрессии в русскоязычных печатных изданиях советского периода // Русистика. 2020. Т. 18. № 2. С. 164—180. doi: 10.22363/2618-8163-2020-18-2-164-180
41. Карасик В.И. Адресная специализация в публичном политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 32—49. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49

References

1. Dijk, T.A. (2008). Discourse and Racism. In: *D.T. Goldberg & J. Solomos (eds.). A Companion to Racial and Ethnic Studies*. Oxford: Blackwell. pp. 145—159. DOI: 10.1111/b.9780631206163.2002.00017.
2. Zelizer, B. (1992). CNN, the Gulf War, and journalistic practice. *Journal of Communication*, 42(1), 66—81. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1992.tb00769.x
3. Deutsche, R. (2010). *Hiroshima After Iraq: Three Studies in Art and War*. Columbia: Columbia University Press. DOI: 10.7312/deut15278.
4. Miller, R.B. (1991). *Interpretations of conflict: ethics, pacifism, and the just-war tradition*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Johnson, J.T. (2006). The just war idea: the state of the question. *Social Philosophy & Policy*, 23(1), 167—195. DOI: 10.1017/S0265052506060079.
6. Fiala, A. (2008). *The just war myth: The moral illusions of war*. Rowman & Littlefield.
7. Gay, W. (2008). The language of war and peace. In: *Encyclopedia of violence, peace, and conflict*. pp. 1115—1127. DOI: 10.1016/B978-012373985-8.00093-3.
8. Gay, W. (1998). Exposing and Overcoming Linguistic Alienation and Linguistic Violence. *Philosophy and Social Criticism*, 24(2), 137—156. DOI: 10.1177/019145379802400210.
9. Burrige, J. (2018). The Dynamics of 'Pacifism' and 'Warmongering': The Denial of Stake in Debates Preceding the 2003 Invasion of Iraq. In: *Gibson S. (eds), Discourse, Peace, and Conflict. Peace Psychology Book Series*. Springer, Cham. pp. 133—148. DOI: 10.1007/978-3-319-99094-1_8.
10. Goetze, C. (2008). When democracies go to war: Public debate and the French decision on war in 1999 and 2003. *Global Society*, 22(1), 57—74. DOI: 10.1080/13600820701740738.

11. Dunmire, P. (2009). 9/11 changed everything’: an intertextual analysis of the Bush Doctrine. *Discourse & Society*, 20(2), 195—222. DOI: 10.1177/0957926508099002.
12. Gavriely-Nuri, D. (2010). The idiosyncratic language of Israeli ‘peace’: A cultural approach to critical discourse analysis (CCDA). *Discourse & Society*, 21(5), 565—585. DOI: 10.1177/0957926510375934.
13. Calhoun, L. (2002). Legitimate authority and “just war” in the modern world. *Peace & Change*, 27(1), 37—62. DOI: 10.1111/1468-0130.00217.
14. Lang, A. & Cian, D. (2013). *Just War: Authority, Tradition, and Practice*. Georgetown University Press.
15. Lakoff, G. (2009). Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. *Cognitive Semiotics*, 4(2), 5—19. DOI:10.1515/cogsem.2009.4.2.5.
16. Hodges, A. (2015). War discourse. *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. pp. 1—6. DOI: 10.1002/9781118611463.wbielsi026.
17. Andreev, N.I. (2011). Distinctive features of the terminology of the German military-political discourse in terms of translation into Russian. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 1, 117—125. (In Russ.).
18. Bachurin, V.D. (2014). Manipulative technologies used in modern military media and political discourse by mass media. *Political linguistics*, 4, 99—104. (In Russ.).
19. Kononova, I.V. & Lebedinskaya, Yu.V. (2016). Ironic euphemistic units of military-political discourse as a means of manipulating consciousness in news media. In: *Relevant issues of modern linguistics: conference proceedings*. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ehkonomicheskii universitet Publ. pp. 30—34. (In Russ.).
20. Ehpshtein, O.V. & Lazareva, K.S. (2016). Verbal presentation strategies in English-language political-military discourse. *Relevant issues of humanitarian and natural sciences*, 3—2, 170—183. (In Russ.).
21. Khomutova, T.N. & Naumova, K.A. (2017). Military-political discourse as a distinctive type of discourse. *Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics*, 3, 49—53. (In Russ.). DOI: 10.14529/ling170307.
22. Solopova, O.A. & Chudinov, A.P. (2018). Diachronic analysis of political metaphors in the British corpus: from victory bells to Russia’s V-Day. *Russian Journal of Linguistics*, 22(2), 313—337. (In Russ.). DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337.
23. Olyanich, A.V. (2003). Presentation strategies in military-political discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 3, 119—126. (In Russ.).
24. Mavleyev, R.R. (2016). The role of the military-political discourse in the context of information-psychological warfare (a case study of the Russian, English and Chinese languages). In: *Persuasion in political discourse: international conference proceedings*. Yekaterinburg: Ural’skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet publ. pp. 91—94. (In Russ.).
25. Mavleyev, R.R. (2017). The questions of conceptualization in military-political discourse. *Region and the world*, 1, 106—108. (In Russ.).
26. Mishkurov, E.N. (2020). Modern military-political discourse: nominations, functions, language deviations, translation. *Moscow University Translation Studies Bulletin*, 2, 88—105. (In Russ.).
27. Kurbakov, I.A. (2019). Hybrid nature of military and political discourse. In: *Scientific achievements in the context of improving the quality of life and sustainable development of society: international conference proceedings*. Moscow: Izd-vo natsional’nogo issledovatel’skogo instituta mirovoi ehkonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenii im. E.M. Primakova Publ. pp. 210—217. (In Russ.).
28. Karasik, V.I. (2002). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena Publ. (In Russ.).
29. Solopova, O.A. & Naumova, K.A. (2018). Hybrid discourse formats: classification issues. *Philological Class*, 4(54), 15—21. (In Russ.). DOI: 10.26710/fk18-04-02.
30. The White House. President Barack Obama [Electronic resource]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov> (accessed: 09.11.2020).

31. The White House [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov> (accessed: 09.11.2020).
32. Alemi, M., Ashkan, L. & Nematzadeh, A. (2018). Persuasion in political discourse: Barak Obama's presidential speeches against ISIS. *Russian Journal of Linguistics*, 22(2), 278—291. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-278-291
33. Ruzhentseva, N.B. (2015). Speech genre: a portrait in the context of discourse (to the problem of methods of description). *Political linguistics*, 1(51), 44—58. (In Russ.).
34. Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed: 10.11.2020).
35. Kiewe, A. (1998). The crisis tool in American political discourse. *Politically speaking: A worldwide examination of language used in the public sphere*, 79—90.
36. Montgomery, M. (2005). The discourse of war after 9/11. *Language and Literature*, 14(2), 149—180. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963947005051286>.
37. Larina, T.V., Ozyumenko, V.I. & Ponomarenko, E.B. (2011). Language mechanism used to manipulate public opinion in English and Russian news texts. *Russian Journal of Linguistics*, (2), 28—37. (In Russ.).
38. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/> (accessed: 10.11.2020).
39. Spiridovskii, O.V. (2006). Intertextuality of Presidential Discourse in the USA, Germany and Austria. *Political linguistics*, 20, 161—170. (In Russ.).
40. Biyumena, A.A. (2020). Lexical means of speech aggression in Soviet Russian-language print media. *Russian Language Studies*, 18(2), 164—180. (In Russ.). doi: 10.22363/2618-8163-2020-18-2-164-180
41. Karasik, V.I. (2018). Address specialization in public political discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 9(1), 32—49. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-32-49

Сведения об авторах:

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода института лингвистики и международных коммуникаций ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет); *сфера научных интересов*: топонимика, имагология, лингвополитическая прогнозистика, дискурсология, диахроническая лингвистика; *e-mail*: o-solopova@bk.ru
ORCID: 0000-0003-4170-7267; eLIBRARY SPIN-code: 6589-5366

Наумова Ксения Андреевна, аспирант кафедры лингвистики и перевода института лингвистики и международных коммуникаций ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет); *сфера научных интересов*: анализ дискурса, военно-политический дискурс, военно-публицистический дискурс; *e-mail*: naumova.ksenia94@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1729-395X. eLIBRARY SPIN-code: 3171-3433

Information about authors:

Olga A. Solopova, Ph.D. (Advanced Doctorate) in Philology, Professor at the Department of Linguistics and Translation at the Institute of Linguistics and International Communications of South Ural State University (National Research University); *research interests*: toponymy, imagology, linguistic political prognostics, discourse analysis, diachronic linguistics; *e-mail*: o-solopova@bk.ru
ORCID: 0000-0003-4170-7267; eLIBRARY SPIN-code: 6589-5366

Ksenia A. Naumova, postgraduate student, Department of Linguistics and Translation, Institute of Linguistics and International Communications of South Ural State University (National Research University); *research interests*: discourse analysis, military-political discourse, military-media discourse; *e-mail*: naumova.ksenia94@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1729-395X. eLIBRARY SPIN-code: 3171-3433